

ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАНТАЗИИ ДМИТРИЯ БРЯНЦЕВА

● ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ВРЯД ЛИ предполагал Бернард Шоу, что его пьесу «Пигмалион» поставят в балете. Ведь по ее сюжету продавщицу цветов Элизу Дулиттл учат правилам английского произношения, казалось, при чем тут хореография? Но в телевизионном фильме-балете «Галатей» по пьесе Шоу, который был показан по Центральному телевидению, Элиза тоже постигает правила произношения языка... классического танца.

Оригинальный, остроумный, веселый балет «Галатей» поставил молодой балетмейстер Дмитрий Брянцев. Если помните, Шоу назвал пьесу именем древнегреческого скульптора Пигмалиона, вылепившего невыразимо прекрасную статую Галатеи и влюбившегося в нее. И статуя ожила...

Фильм ставился специально для балерины Большого театра народной артистки СССР Екатерины Максимовой, которой давно хотелось выступить в партии комедийного плана. Хореография Брянцева блестяще раскрыла яркое комедийное дарование балерины. В первых сценах ее Элиза лихо отплясывает в туфлях на каблуках, выделявая самые невероятные движения. Затем постигает первые балетные па на уроках профессора Хиггинса (эту роль исполняет солист Большого театра народный артист СССР Марис Лиена), пытается встать на пуанты. И, наконец, в совершенстве овладев языком классического танца, упоенно кружится в вальсе на великосветском балу. В финале, как у Шоу, — возвращение Элизы после ссоры с Хиггинсом, вспыхнувшая возможность любви, пленительное предчувствие счастья.

В то время, когда съемки фильма были закончены и «Га-

латей» ждала встречи со зрителем, ее создатель балетмейстер Дмитрий Брянцев защищал диплом в Государственном институте театрального искусства имени Луначарского.

— Раньше я не предполагал, что буду балетмейстером, — признается Брянцев. — В детстве посмотрел в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова балет Чайковского «Щелкунчик» и захотел стать танцовщиком. Родители никакого отношения к балету не имели, но по поводу моего выбора не возражали. В хореографическое училище меня приняли. Но, начав заниматься балетом, я несколько «остыл» в своем стремлении. Раньше казалось, что я сразу же затапчу, как на сцене, а меня поставили к станку и заставили подолгу выполнять одни и те же движения. Тогда намного больше меня интересовали книги, живопись, самолеты, машины, кони, привлекало то, что творилось во время урока за окном, что происходило на улице...

В старших классах я начал заниматься балетом всерьез, вспоминает балетмейстер. На смотре хореографических училищ в Москве выступление Брянцева во фрагменте из балета «Сорок первый» имело необычайный успех. Тогда его впервые увидел Игорь Моисеев и вскоре пригласил молодого танцовщика в свой ансамбль «Классический балет».

Любители балета помнят Брянцева по выступлениям в концертных номерах «Классического балета». Он танцевал в постановках Голейзовского и Яковсона, Моисеева и Чернышева, работал с молодыми балетмейстерами Виноградовым, Майоровым, Елизарьевым. С чего же началось увлечение сочинением танцев?

— Произошло все довольно

случайно. «Классический балет» и балетмейстерский факультет ГИТИСа находились в одном здании, только на разных этажах. На занятиях в ГИТИСе меня как танцовщика часто просили что-то исполнить. А однажды педагог предложил мне поставить танец самому...

За последние два года учебы в институте Дмитрий Брянцев поставил завидное для начинающего балетмейстера количество номеров. Он сделал большую концертную программу хореографических миниатюр в Ленинградском театре оперы и балета имени С. М. Кирова, в Театре эстрады, поставил балетные номера для участников III Международного конкурса артистов балета в Москве и стал лауреатом Всесоюзного конкурса балетмейстеров.

На письменном столе Брянцева — либретто будущих балетных спектаклей. Как же рождается зримый образ танца, с чего начинается его сочинение?

— Это всегда происходит по-разному. Иногда я исхожу из индивидуальности исполнителя и ставлю танец специально для него. Порой слышу музыку, и ее хочется увидеть в танце. Или же попадет интересное для хореографии либретто... Танец сначала надо представить мысленно, услышать «внутри себя». Потом я пробую станцевать его сам, чтобы понять, насколько придуманное мной исполнимо. А поняв, сразу же записываю, зарисовываю, чтобы запомнить.

Дмитрий Брянцев достает огромные пачки рисунков. На бумаге точками и линиями обозначено расположение танцовщиков на сцене, рядом быстрым почерком записан порядок движений, понятный только самому балетмейстеру.

— Рисованию я учился еще в школе, специально занимался в кружке, но не думал, что это так пригодится мне в работе. У меня постоянно возникает масса всевозможных хореографических ассоциаций. Чтобы вас зафиксировать, я всегда беру с собой бумагу и карандаш. Ложусь спать — кладу их рядом. Иногда проснусь среди ночи и записываю. Мне очень часто снится танец, порой даже целые композиции.

— Но вот танец мысленно обрел для вас ясные очертания, что происходит потом?

— На репетициях я предлагаю танцовщику несколько вариантов, выбирая наиболее интересные. Подчас движения рождаются прямо в процессе работы, когда исполнитель импровизирует. Я придумываю пластику, жесты, походку героя, вспоминая что-то подсмотренное мною на улице, в кино, в театре. Однажды в цирке я увидел нелепо упавшего набок клоуна, это подсказало мне пластический рисунок будущего номера. Важно, чтобы сочиненный тобой танец был не просто набором красивых движений, а воплощением определенной идеи, чувства, эмоционального состояния.

Балетмейстеру хотелось бы поставить балеты по сюжетам произведений Куприна, Островского, Чехова, Горького, Уайльда, Прево, Мопассана, Андерсена... Это могло бы показаться нереальным, если бы не исключительная одаренность и творческая одержимость балетмейстера. Он удивительно плодотворно работает, его фантазия поистине неистожима.

В ближайших планах — телевизионный фильм-балет «Незнакомка» по стихотворению Александра Блока.

Е. БЕЛОВА